

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Суббота, 6-го декабря 1903 года.

Николай Иванович Наумовъ нанъ писатель.

Среди немногочисленныхъ сибиряковъ беллетристовъ Н. И. Наумовъ занимаетъ безспорно первое мѣсто. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ его произведенія, появившіяся на страницахъ лучшихъ русскихъ журналовъ и отдѣльными книжками: („Сила солому ломить“, „Въ тихомъ омутѣ“, „Въ забытомъ краю“, „Паутина“) привлекали къ себѣ вниманіе и симпатію читателей наравнѣ съ произведеніями Глѣба Успенскаго и Златовратскаго какъ мастерскимъ выполненіемъ поставленныхъ темъ, такъ и интересомъ ихъ съ точки зрѣнія читателя того времени. Статьи Наумова являлись украшеніемъ журнальной книжки. То было время, когда культурная часть русскаго общества болѣе чѣмъ нигдѣ, интересовалась бытомъ русской деревни, деревенской народной психологіей, устоями деревенской жизни.

Во главѣ писателей, удовлетворявшихъ этотъ интересъ, открывавшихъ, такъ сказать, „тайны русской деревни“, стояли безспорно Гл. Успенскій и Златовратскій, но они иногда впадали въ идеализацію наблюдаемыхъ явленій, что, конечно, объясняется ихъ горячей любовью къ русскому простому народу. У Наумова нѣтъ этой идеализаціи и не потому, чтобы онъ не любилъ народъ en masse, не болѣть его горестями и печальми, а потому, что онъ по складу своего ума не способенъ къ идеализаціи. По темамъ своихъ произведеній онъ писатель народнаго быта, но онъ не народникъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого термина, хотя его нѣкоторые и причисляютъ къ этой категоріи.

По условіямъ своей служебной дѣятельности онъ имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ бытомъ сибирскихъ крестьянъ и изображенію его посвятить большую часть

отсутствіе такихъ лицъ до послѣдняго времени даже въ сибирскихъ городахъ, полнѣйшее отсутствіе гласности въ самомъ недалекомъ сибирскомъ прошломъ, дореформенное невѣжество, но алчное и, сознавшее свою силу и безответственность, чиновничество, среди котораго порядочные люди не могли ужиться, вотъ та атмосфера недалекаго сибирскаго прошлаго, въ которой жила сибирская деревня 60-хъ и 70-хъ

получить въ свои руки власть. Усвоеніе этой философіи не требуетъ большаго умственного напряженія и доступно и для темнаго сибирскаго крестьянина. Деревня вполне усвоила эту мудрость:

„Какъ, братецъ, въ ину пору не позавидуешь! уныло отвѣчалъ онъ (ямщикъ—крестьянинъ) послѣ непродолжительнаго раздумья.—Ты робинь, робинь всю жизнь, не покладая рукъ, а все у тебя прорѣхи однѣ, нигдѣ цѣльнаго мѣста не найдешь, а тутъ вонъ подъ бокомъ у тебя твой же братъ, мужикъ, да вѣдь какъ къ этому то дѣлу приладился. И живетъ то въ власть, ни горя-то у него, ни заботы, и всего то у него вдоволь, и знаешь ты, што онъ такой же мужикъ, какъ ты, а робинь предъ нимъ, издали то завидишь его, такъ сами руки къ шапкѣ тянутся“ (Паутина. Соч. Наумова, т. I, стр. 55—6).

„Въ рѣдкость тутъ, сударь, съ совѣтью чловѣка найдете, въ рѣдкость“—говоритъ Флегонтъ Дмитричъ въ разказѣ „Паутина“. „Да и какъ среди этого гомона совѣтъ соблюдеши. Иной бы, можетъ, и по совѣсти жилъ, да видить, что кругомъ и около дѣтса, люди не сбють, не жнутъ, а въ избыткѣ живутъ, и онъ, глядя на другихъ, распояшетъ руки, а совѣсть то за поясъ заткнетъ, да и примется, благословясь, за это же рукомясло, благо оно прибыльно!“ (Ibid., т. I, стр. 72—73).

Въ разказѣ „Ежъ“, герой его, рабочій, говоритъ присковому управляющему: „По нашей, то музичей прибѣтъ мы судимъ. На нашу смѣтку, ваше почтеніе, коли у чловѣка денегъ нѣтъ, такъ онъ и ростомъ то ровнио ниже выглядить, и съ лица будто темный! А чловѣкъ съ денной, не во гнѣвъ вашей милости, и бѣлый и румяный... и усмѣшка на альхъ устахъ, и живетъ, какъ у вашей же милости!“

Каждому желательно „быть повыше ростомъ“, но не каждый останавливается передъ средствами, и вотъ на фонѣ сибирской жизни

Н. И. Наумовъ.

Въ томъ случаѣ, когда авторъ, будучи въ Сибирѣ, не имѣлъ возможности ознакомиться съ бытомъ сибирскихъ крестьянъ, онъ прибѣгаетъ къ помощи воображенія, что, конечно, объясняется его горячей любовью къ русскому простому народу. У Наумова нѣтъ этой идеализаціи и не потому, чтобы онъ не любилъ народъ en masse, не болѣть его горестями и печальми, а потому, что онъ по складу своего ума не способенъ къ идеализаціи. По темамъ своихъ произведеній онъ писатель народнаго быта, но онъ не народникъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого термина, хотя его нѣкоторые и причисляютъ къ этой категоріи.

Автографъ Н. И. Наумова.

своихъ произведеній. Его можно назвать бытописателемъ сибирской деревни.

Россійская и сибирская деревни много отличаются другъ отъ друга, что вполне и понятно, такъ какъ жизнь ихъ сложилась подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ факторовъ. Сибирь не знала ни крупностного права, ни барщины, ни помѣщичьей власти, ни земельного гнетенія, но съ другой стороны въ Сибіри не было и культурнаго элемента, который жилъ въ близки деревни и въ ней самой, который интересовался бы деревенской жизнью и выдѣлилъ бы изъ среды своей хотя бы небольшую группу лицъ, желающихъ принести пользу деревенской средѣ. Въ Сибіри не было и до сихъ поръ нѣтъ земства, которое преслѣдовало бы культурныя задачи, стремясь внести свѣтъ въ темное деревенское царство. Отдаленность деревенскихъ сибирскихъ дѣлоръ отъ административныхъ центровъ, отсутствіе въ сибирской деревнѣ лицъ, которые служили бы указатъ путь, на которомъ можно отыскать защиту попранныхъ личныхъ и имущественныхъ правъ,

годовъ—время. Наумова и которую запечатлѣлъ талантливый беллетристъ въ своихъ повѣстяхъ и разказкахъ.

Громадное большинство людей правила своего поведенія почитаетъ исключительно изъ наблюденій надъ окружающей жизнью. Человѣку естественно мечтать и стремиться къ своему благополучію и опять таки для громаднаго большинства въ некультурномъ обществѣ, гдѣ общественное мнѣніе не отличилось въ благородную слернивающую форму—пути достиженія благополучія безразличны—лишь бы они вели прямо къ цѣли. Жизнь сибирской деревни, какъ она изображается у Наумова, воочью показала, что стоишь и слышишь въ столкновѣніяхъ съ жизненными перипетіями только тотъ, у кого въ рукахъ или власть, или деньги, матеріальный достатокъ. Та же деревенская жизнь показала еще, что власть и матеріальный достатокъ являются обыкновенно закадычными друзьями, помогающими другъ другу: власть не только умножаетъ достатокъ, но имѣетъ силу создать его и обратно; матеріальный достатокъ даетъ возможность за-

пичнымъ дѣвствомъ расцвѣтаетъ кулачество и мѣрѣдство. При полномъ отсутствіи доступнаго дешеваго кредита въ сибирской деревнѣ, при отдаленности рынковъ для сбыта сельскохозяйственныхъ произведеній, сибирская крестьянская среда представляетъ широкую арену эксплуататорской дѣятельности. Изъ темной крестьянской массы выдвигаются эти эксплуататоры силою и ридомъ благодаря не уму и способностямъ, а случаю или преступленію. Стоить только немного подняться и опереться, а дальше путь къ матеріальному достатку уже открытъ. Въ разказѣ: „Куда ни кинь, все кинь“ Абрамъ Николаевичъ говоритъ: „Тѣбѣ, чтобы копейку то въ карманъ залучить, сколько надоть потрудиться и ночей не доспать, и не дойти, и не дойти, и горько то нагнать до боли, да и то едва залучишь ее... а богатый то и на печи лежитъ, только и знаетъ одну работу—бѣтъ власть да спать безъ отдыха, а къ нему все копейка плыветъ“... (Соч., т. I, стр. 246—7).

Въ каждомъ почтѣ разказѣ Наумова фигурируетъ мѣрѣдъ—эта, столь знакомая жадная си-

гемы. Трое земледельцев, я, Наумов и студент из Иркутска Кукин, поселились вместе в одной комнате на Васильевском острове. Так мы прожили одну зиму; на лето мы разъехались; я съезжал в Калужскую губернию гербаризировать, а Наумов провёл это лето в Москве у своих товарищей по гимназии, у братьев Садовниковых, которые слушали лекции на юридическом факультете московского университета. На зиму мы, сибиряки, опять соединились вместе и при том в большем числе, но только разжились иначе. Мы поселились в доме Воронина в Академическом переулке, в четвертом этаже. У хозяйки нашей квартиры было четыре свободных комнаты, три побольше, одна небольшая; все четыре комнаты были заняты сибиряками. В одной комнате поселились Ядринцев и Наумов, в другой — казачий офицер О. Н. Усов, приехавший из Омска слушать лекции в военной академии, в третьей комнате — я и Кукин, в четвертой, самой небольшой, — Ив. Александр. Худяков. О. Н. Усов был лучше обставлен в денежном отношении, чем мы; он получал офицерское жалование, кроме того получал пособие из дома, так как его отец был зажиточный человек. Он один занимал целую комнату*). Остальная компания не могла с ним равняться; наши заработки были не велики и не постоянны. Поэтому мы составили отдельный хозяйственный союз. Все, что мы зарабатывали, уходило у нас главным образом на плату за квартиру, так что

питались мы очень скудно; мы могли иметь только чай и картофель. Горячая еда мы не имели; вместо того хозяйка покупала для нас картофель, варила его и мы съедали его с маслом. Чай, ситный хлеб, картофель и масло — вот и все наше меню в то время. В эту картофельную кооперацию входили Наумов, Ядринцев, я и Кукин. Усов не входил в нее, как более богатый, а Худяков, как более бедный; он был беднее и нас, он не имел средств и на картофель, и питался только чаем и хлебом с маслом**).

Когда мы звали Наумова в Петербург, мы конечно мотивировали свой призыв необходимостью университетского образования. И действительно, Наумов приехал с мечтой поступить на историко-филологический факультет. Его соблазнил призыв учителя Игнатова, который читал историю в томской гимназии, когда в ней учился Наумов. Это было единственное светлое явление в томской гимназии; по крайней мере его уроки нравились гимназистам. Наумов тоже увлекался красноречием этого учителя; он врился, что если бы он прослушал курс истории, то стал бы также красноречиво передавать ее с кафедры, как Игнатов, или еще красноречивее; ему казалось, что для него высшим счастьем было бы вернуться в томскую гимназию учителем истории и с такою же силою увлекать учеников, как Игнатов когда-то приводил в восхищение его самого, но вскоре убедился, что у него нет времени на слушание лекций и на возню с учебниками; надо было зарабатывать хлебом насущный.

Омская казарма познакомила Наумова с солдатской жизнью и это знание теперь пригодилось ему. Они начали писать очерки из этой жизни. Они помешались частью в «Свѣточ», который издавал Милоков, частью в жур-

нал для солдат, издававшемся Погоским. Последний дал Наумову занятия в своей конторе, а Милоков пригласил его на свои вечера, которые были многолюдны и оживлялись иногда горячими диспутами, наприм. Антоновича с Достоевским. Наумов съезжал уже известную литературным кругам, получил вход на литературные жур-фиксы и получил титул «второго послѣ Погоскаго разсказчика из солдатскаго быта», а Ядринцев все еще был только формирующимся юношей.

Впрочем немногого поздне успѣхов Наумова совершилось и вступление Ядринцева в лите-

ратураторов, но когда — это было еще неизвестно; вдруг, что было будущим, стало настоящим, посторонний ареопат признал его совершеннѣйшим и он получил возможность вместе маленькаго прѣятельскаго кружка дѣлать своими мыслями съ огромной аудиторией.

Эти два юноши, Ядринцев и Наумов, на прѣятельскій кружок производили совершенно отличное впечатлѣніе. Ядринцев был юноша, полный надеждъ в будущем, увѣренный въ своих силах, съ иѣкоторымъ ироническимъ самознѣніемъ; своимъ остроуміемъ и своей легкой воспримчивостію онъ вносилъ веселье въ свою прѣятельскую бесѣду. Молодые люди, правда, сами были полны бодрости и не нуждались въ подбадриваніи, но о Ядринцевѣ можно было по крайней мѣрѣ сказать, что онъ не нарушалъ общаго оптимистическаго настроенія, не вносилъ диссонанса въ этотъ концертъ молодыхъ душъ. Совѣсьмъ въ другомъ родѣ ощущенія приходилось испытывать друзьямъ отъ соприкосновенія съ духовнымъ организмомъ Наумова. Самые легкіе удары судьбы смущали его духъ и онъ начиналъ ныть, отчаиваться въ своихъ способностяхъ, развѣчивать себя въ заурядные люди, бранить себя глупцомъ за то, что возомнилъ о себѣ слишкомъ и поѣхалъ въ столицу; наконецъ онъ впадалъ въ апатію, ложился на диванъ и ничего не дѣлалъ. Въ Ядринцевѣ всегда чувствовался не унывающий помощникъ, Наумова надо было иногда поддерживать, утѣшать, и убѣждать, что онъ ошибается, умалываетъ свой талантъ, что онъ преувеличиваетъ свои недостатки. Друзья иногда испытывали мучительное безпокойство, не находя средства влить въ разочарованную душу увѣренность въ своихъ силахъ.

Въ это время въ Петербургъ приѣхалъ тобольскій губернаторъ Деспотъ-Зеновичъ и обратился къ литератору С. В. Максимоу съ просьбой рекомендовать ему въ чиновники нѣсколькихъ молодыхъ честныхъ литераторовъ, знакомыхъ сколько-нибудь съ народнымъ бытомъ. Максимовъ въ числѣ другихъ рекомендовалъ и Н. И. Наумова. Наумовъ уѣхалъ въ Сибирь и получилъ сначала мѣсто на сѣверѣ отъ Тобольска, а потомъ, кажется послѣ того, какъ Деспотъ-Зеновичъ оставилъ край, перешелъ на службу въ контрольную палату въ Омскъ, начальникомъ которой былъ г. Петровъ, выдвинутый по службѣ Деспотомъ-Зеновичемъ, который впервые познакомился съ нимъ въ Кяхтѣ, на мѣстѣ его родины. Съ этого времени началось знакомство Наумова съ Петровымъ, которому онъ обязанъ послѣдующей своей чиновничьей карьерой.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири и набравъ новаго матеріала для разсказовъ среди сибирскихъ крестьянъ, Н. И. Наумовъ вновь выѣхалъ Петербургъ. Вскорѣ появился его новый разсказъ «Сельскій торгашъ», а затѣмъ другой — «Юровая». Присоединивъ къ нимъ еще нѣсколько новыхъ разсказовъ, Наумовъ составилъ и издалъ сборникъ, которому далъ имя: «Сила солому ломить». Эта книжка создала автору болѣе прочную известность, чѣмъ прежние его писанія, поставила его въ ряды лучшихъ писателей изъ народнаго быта и доставила знакомство съ Гл. Успенскимъ и Златовратскимъ. Книжка особенно поправилась молодежи, которая усиленно ее распространяла; имя автора въ глазахъ молодежи было окружено ореоломъ. Вѣроятно только это одно обстоятельство и сдѣлало книгу популярной; ее не изыкали ни изъ продажи, ни изъ библиотекъ, но при обыскахъ конфисковали. Вслѣдствіе всякое подозрѣніе съ книги было снято, и она въ полномъ составѣ вошла въ «Собраніе сочиненій» Наумова, изданное въ 1897 г.

Время, когда печатался и читался сборникъ «Сила солому ломить», было самое лучшее въ жизни сибирскаго беллетриста. Это было время расцвѣта его таланта, время его литературнаго успѣха; къ известности въ читающей средѣ присоединилось и семейное счастье: въ это время Ник. Ив. женился.

Послѣ перваго сборника Н. И. Наумовъ издалъ другой, подъ названіемъ: «Въ тихомъ омутѣ». Затѣмъ онъ опять началъ хандрить и впадалъ въ апатію. Какъ Антею для восстановленія силъ нужно было прикасаться къ землѣ, такъ Наумову для душевнаго возрожденія нужно бы-

Заніе, въ которомъ помѣщалась гимназія, когда въ ней учился Н. И. Наумовъ

Кабинетъ Н. И. Наумова въ Томскѣ.
Съ акварельнаго рисунка М. П. Черепановой.

ратурную семью. Вечеромъ Наумовъ вѣзжалъ въ комнату, въ которой жили я и Кукинъ и сталъ насъ звать съ собой. «Ядринцевъ получилъ литературное крещеніе! Его статья напечатана въ «Искрѣ!» Пойдемте! Надо спрсить!» Рѣшено было отправиться въ пивную, которая помѣщалась въ нижнемъ этажѣ большаго дома на углу Большаго Проспекта 2 линіи и въ которой получалась «Искра». Захвативъ Ядринцева, мы дѣлкимъ землячествомъ спустились въ пивную. Наумовъ скомандовалъ подать пиво, взять «Искру» и вслѣдъ прочиталъ намъ первое произведеніе своего друга. Потомъ мы выпили по стакану пива. виновникъ этой шушрики разувѣтелъ былъ очень доволенъ и веселье, но и мы все были тоже рады его празднику; стайка была крошечная и содержаніе, вѣроятно, не важное, но для насъ это было цѣлое событіе. Мы врились, что нашъ другъ бу-

*) О. Н. Усовъ, не окончивъ курса въ академіи, перешелъ въ Омскъ. Вслѣдствіи это было однимъ изъ лучшихъ офицеровъ, отдававшихъ часть своего времени просвѣтительной дѣятельности. Онъ былъ однимъ изъ трехъ атамановъ сибирскаго казачьяго войска и умеръ въ этой должности въ Кочетавѣ.

**) И. А. Худяковъ долженъ былъ тобольскій, сначала былъ студентомъ казанскаго университета, потомъ въ Москвѣ слушалъ лекціи Лазарева, а по окончаніи курса приѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ собрался издавать журналъ по фольклору, но рано оставилъ науку для другой дѣятельности и умеръ молодымъ въ Петербургѣ. Бѣсовъ онъ въ послѣдствіи науку, и его вышеле бы заглавительный ученый (институтъ) это тогда, когда мы познакомились съ нимъ, онъ удалялся всѣхъ необязательной для студента зрѣдущей. Въ то время онъ жаль однимъ научными интересами; все дѣлалъ, потому онъ зарабатывалъ, уходилъ у него на книги; какъ онъ скудно питался, я уже сказалъ. Стоя же бѣда была и его обстановка. Въ комнатѣ у него былъ всего одинъ стулъ и одинъ столъ безъ одной ножки, такъ что писать на немъ было можно, только признавъ его къ стѣнѣ. Кроме того въ комнатѣ стола большаго сундука, который заклиналъ кроватю; на немъ молодой ученый асистентъ спалъ. Этотъ сундукъ былъ до крышки набитъ вѣтчинными книжками въ родѣ вѣтчинной мифологіи Грима. Это была и кроватка, и библиотечка вѣтчин.

ло спускаться въ народъ. Его покровитель Петров устроилъ ему мѣсто въ Сибири, сначала въ Мариинскѣ, потомъ въ Томскѣ, но болѣзнь, которая давно, съ молодости подкачивала его организмъ и была главнѣе причиною его мирныхъ настроеній, теперь увеличилась и не позволяла писателю заниматься литературой съ прежней силой.

Г. Потемкинъ.

Эскизы безъ тѣней^{*)}.

(Изъ жизни сибирскаго крестьянства).

Въ первый же мѣсяцъ по вступленіи моемъ въ должность чиновника по крестьянскимъ дѣламъ пришли ко мнѣ въ селѣ Ал... въ двѣ женщины, мать съ дочерью. Мать была уже старушка, дочь молодѣя, милостивая женщина; подъ обоими глазами дочери были огромныя синевыя, правая щека, съ сильной опухолью, была вся испарана. Обѣ онѣ, какъ вошли, такъ и повалились мнѣ въ ноги.

— Защити, кормилецъ! — произнесла мать, поднимаясь на ноги, и крупныя слезы потекли изъ глазъ ея, какая на концы платка, какимъ была окутана голова. — Выдали дочь куда замужъ, да не на радость; думали устроить ее, вздохнуть въ старости, а дѣло-то вышло, погубили только ее. Грѣхъ на душу приняли. Слезы теперь исхожу, глядя на жизнь-то ея, на тиранство. Дѣло-то мое со старикомъ одинокомъ, сиротское. Были дѣтки-то да во младенчествѣ помирали все, только и выростили одну дочку, опору-то на старость. Поколь старикъ-то мой въ силахъ былъ, все ишо ничего, робилъ, кормилецъ, по чужимъ людямъ за хлѣбомъ не ходили и скотинка у насъ есть, четыре упряжныхъ лошади держимъ, три коровушки, овечекъ, будто, десяткомъ, и домишко въ порядкѣ, все какъ слѣдъ быть по христьянству-то; не богатое дѣло, а все, говорю, по чужимъ людямъ не занимаемся, и хлѣба заебвали и на свое пропитанье хватало и излишекъ былъ, продавали. Ну только года два время, скажу тебѣ, старикъ-то мой все перепадать сталъ, нѣтъ, нѣтъ да и занеможетъ ему, а дѣло мое женское и тоже ужъ годы старыя, всего изъять по хозяйству-то не въ моготу, а работница нанять силы нѣтъ. Ея же дѣло дѣвичье, гдѣ ей супротивъ мужика хозяйствомъ орудовать? И были за нее женихи-то изъ хорошихъ семей, изъ зажиточныхъ, сватовъ засылали, да подумаемъ, подумаемъ бывало со старикомъ-то, подаемъ это — какъ отдать ее въ чужіе люди?.. мы-то при комъ останемся на старостію своей? тогда вѣдь водичи-то испить тебѣ некому дать будетъ, подать, коли занеможетъ, коли на одрѣ смертнымъ лежать будемъ. Ну, и поклонимся бывало за честь. Ужъ замужъ думали выдать, такъ надоть въ домъ къ себѣ взять и хозяйство-то шибко не рушилось и за нами-то при древности нашей призрѣть бы былъ. А какой же тебѣ путный хозяинъ отъ своего добра, отъ своего дома сына въ чужой отдалъ? Суди! И приходилось ужъ подбирать жениха изъ бѣднаго достатка, сироту какого ни есть. Ну, и выискался этакій, выдали! Изъ сильныхъ онъ, нашего же села христьянинъ, въ работникахъ жилъ и сколько годовъ у стеногаго хозяина, и тотъ нахвалиться, слышь, не могъ изъ. Въ чемъ не возами, и радѣтельный, говоритъ, и твердый и никакихъ шалостей, али болванства не приметно было за нимъ, одна будто слава, што сильный, такъ вѣдь и сильный человекъ же, думали мы.

Иные изъ нихъ, глядишь, какъ хорошо живутъ, худова слова не услышишь про нихъ. Грѣхъ-то вѣдь надъ всякимъ стрястися можетъ, не уйдешь. Ну, какъ бы думали, не утешиваться человеку: изъ работника хозяиномъ сталъ. Чего говорить, не богатое дѣло наше, да коли съ умомъ, да радѣемся, да особенно, при молодыхъ силахъ, такъ и очень бы даже можно на ноги стати. Ну и выдали дочку за него, свадьбу сыграли — это не плошь другихъ. Глядимъ, живетъ зятекъ ничего бы ровню, радѣтельный къ дому: ни свѣтъ, ни заря, бывало,

а ужъ Абрамушко нашъ на ногахъ, на работѣ убивается и съ нами то, со стариками, изъ уваженія не выходилъ. Радовались. Съ годъ этакъ путно-то прожилъ онъ, а тутъ, толи по чей наустѣ, толи ужъ это онъ только прилики показывалъ намъ, степененно-то напущалъ на себя, Богъ его знаетъ, темное дѣло-то, въ чужую душу не заглянешь, какъ судить будешь? Только все, говорю, приговаривались онъ зачалъ къ старик-то: „Сдѣлай де гумату, што все хозяйство и домъ въ благословеніе даемъ ему!“ Ну, старикъ-то мой съ разсудкомъ человекъ, изъ своей-то сотни его не выбрасывали, голодомъ его обчествю не брезговало. Старикъ-то и говоритъ ему: „Ты де, Абрамъ, не дикуй, коли Богъ по душу нашу пошлетъ, такъ и домъ, и все, што въ дому-то есть, и скотинка и обзаводъ по хозяйству, и безъ гумати твоихъ рукъ не минуетъ. Дочь-то у насъ одна, другихъ-то дѣтокъ не судить Богъ вспомитъ, вскорमितъ, стало бы, окомя тебѣ и выкатить въ добро-то наше некому, такъ нашто тебѣ благословенную-то гумату?“ Ну, послушать онъ будто-бы слова-то его, примолкнетъ кое время, а тамъ съизнова, слышимъ, о гуматѣ рѣчь поведетъ.

— На што тебѣ допрежъ время гумату-ту? — спроситъ его бывало старикъ то мой.

— Для спокойства, говоритъ, совѣсти, ты-теня, потому, говоритъ, я роблю, роблю, рукъ не покладая, а не ровентъ часть, ты въ сердце войдешь и скажешь, — поди вонъ! Куда я тогда?..

— Глушай ты, глушай! начнетъ это, бывало, тихимъ словомъ старикъ-то мой увѣщать его, мы тебѣ и въ домъ-то затѣмъ приняли, дѣтище свое отдали тебѣ, шибко хозяйство не рушилось, опору отъ тебѣ да призрѣть бы во старости имѣть, а не затѣмъ, шибко за твой трудъ и радѣние изъ дому тебѣ гнать. Кинь ты энту блажь изъ головы — никакой тебѣ гумати и дѣлатъ не стану, а померъ со старухой, такъ и безъ гумати все твое будетъ — влады!

— Нѣтъ, говоритъ, отецъ, такъ-то не жеже... — Пошто-же?

— Сичасъ-то ты вотъ будто умомъ судишь, а почемъ, говоритъ, знать, што тебѣ завтра не вышибетъ изъ него; и то тебѣ будетъ не такъ, и друго не по нраву, а ты хозяинъ въ дому, — не угоднишъ тебѣ — ты и скажешь: поди вонъ! И иди, потому — твой воля, ты дому хозяйинъ, при-мѣры-то экіе, говоритъ, бывали!

— Образумелъ, живи въ покоѣ, знай свое дѣло, а помысли энти выкинь изъ головы, — старикъ-то все увѣрлялъ его.

— Нѣтъ, подай гумату! — присталъ это снова. Безъ гумати — я чужой человекъ въ дому у тебѣ, ни въ чемъ не воленъ, роблю, роблю, а коли зерно какое загодится продать, такъ все къ тебѣ за спросомъ иди. Я ужъ, говоритъ, не малоготою, въ разумѣ человекъ и самъ могу добромъ владѣть, хозяйствомъ-то орудовать... Въ упряжкѣ у тебѣ ходить-то мнѣ не пристало...

— Нѣшто тыгостно? — смѣхомъ это старикъ-то спрашивать.

— Не въ сладости...

— Какъ же ты говоришь, што не воленъ продать, чего загодится, а развѣ я тебѣ прекосовить, коли ты путно чего дѣлать надумывалъ, а? — старикъ-то спрашивать. „А коли ты за спросомъ прилешь, за словомъ, такъ не ужъ это тебѣ утрудительно, а?.. Ты вотъ съ годъ только поробилъ, да и тутъ ужъ свои труды считать сталъ, да и робилъ-то ты не одинъ, и я, хощь черезъ силу мочи, да помогать тебѣ, на печи не валялся. А я то, говоритъ, всю жизнь свою на хозяйство-то покладая, всю свою силу измоталъ на него, такъ нѣшто мнѣ не бѣдо, коли ты зря-то, безъ надобности, будешь распродавать, да хозяйствовать на свой лады, а?.. Умру, ну тогда и орудуй, какъ знаешь, а поколь живъ я, такъ тоже, Абрамушко, и мово слова поспрашивать да послушать надо!..“

— Такъ не дашь, говоритъ, гумати?..

— Не дамъ! А ты живи лучше по Божески, въ ладу, да въ мирѣ, хозяйствуй сообча, ты еще младъ человекъ, не твердь разумомъ, какъ погляжу, старика-то и послухай, жизнь то моя ужъ коротка, а твоя то, можетъ, длинна, доброе то слово иной часъ и погодитъ тебѣ, — увѣщавъ это старикъ-то его. Ну, чего тебѣ не достаетъ, скажи?

— Воли, говоритъ!

— А нѣшто ты привязанъ, нѣшто кто отнимаетъ ее у тебѣ, а?..

— И не привязанъ, да въ путахъ, говоритъ, хожу.

— Въ какихъ?.. Кто тебя опутывалъ?..

— Ты, говоритъ.

— Чѣмъ я тебѣ пугалъ, скажи? — допытывать старикъ-то сталъ. Въ чемъ ты нужу терпѣлъ, а?.. Ты вотъ въ работникахъ жилъ, изъ чужихъ рукъ глядѣлъ, всегда подъ чужимъ глазомъ да указомъ ходилъ, такъ неужъ тогда у тебѣ больше воли-то было, путъ то не было, чѣмъ теперь, когда ты почестъ полный хозяинъ въ дому, а?.. Глушай ты, глушай, чего тебѣ надоть и самъ не знаешь; и обшили тебѣ, и обмыли за кускомъ ты въ чужіе люди не идешь, слава Богу, свой есть, припасено, чѣмъ ты ишо недоволенъ? Или у тебѣ норка-то свиститъ — гумату-то взять, да потомъ размотать все, чего мы наживали, самому-то куда ни на есть уйти, а насъ по міру на старости пустить? Нѣтъ, Абрамушко, поколь я живъ, энтаго не будетъ: зря мотать добра своего не дамъ, а живи ты лучше безъ азору. Чужихъ-то наукъ не слушай. Чего сробилъ, такъ на себя же вѣдь сробилъ, тебѣ же все останется.

Ну, послѣ этихъ словъ не сталъ онъ болѣе съ гуматою претавать, унялся... Только, видимо, измѣнился нашъ Абрамушко, гдѣ бы робить надоть, по хозяйству чего править, а ему и думушки мало. Сидитъ себѣ на завалинкѣ, въ трубку похлываешь, да полевываешь, аль уйдеть куда, гдѣ шатается, зачѣмъ — и Богъ вѣсть. Глядѣлъ, глядѣлъ это старикъ то мой, все было молчалъ, полагалъ, што уходится въ немъ дуры-то энта. Ну, не вытерпѣлъ, занутило его; „ты што же энто, Абрамъ, дому-то рѣшилъ?“ — спросилъ онъ снова.

— А чего, говоритъ, мнѣ въ дому-то дѣлать? — Какъ чего, нѣшто ужъ дѣла въ дому не стало, не къ чему руку приложити, а?..

— Видать, што не къ чему. У тебѣ вѣдь свой, говоритъ, хозяйскій глазъ есть да воля, и орудуй, какъ знаешь, правъ, што спорухалось...

— А ты батракъ нѣшто?..

— Хуже!.. Батракъ-то какое ни есть награждение получать, а ты чего мнѣ даешь? — говоритъ. Гривна-то на табакъ загодится, такъ и то съ поклономъ да со спросомъ иди къ тебѣ. — Ну, парень, рано-же ты совѣсть-то потерялъ, — старикъ-то сказалъ ему... рано...

— Ужъ чего потеряно — не найдешь, — Абрамъ-то отвѣтъ держитъ, — а новой наживать не доводится, — говоритъ. Кто про совѣсть-то вспоминаетъ, такъ, можетъ, по раѣмъ меня ишо по вѣтру размоталъ ее, — да плонуть это и ушолъ...

(Окончаніе будетъ).

Къ рисункамъ.

Мы вмѣли возможность вѣдѣть рукописи П. И. Наумова. Какъ видно изъ нихъ, онъ тщательно обрабатывалъ свои произведенія, по нѣсколько разъ измѣняя, дополняя, выбрасывая неиспанисе или создавая совершенно новый текстъ. Очевидно писатель очень строго и требовательно относился къ своей работѣ. Потому и неудивительно, что несмотря на продолжительный періодъ литературной дѣятельности, онъ сравнительно не много написалъ и напечаталъ. Напечатанное въ этомъ № факсимиле Наумова характеризуетъ его большую требовательность въ отношеніи своихъ литературныхъ работъ.

Отъ редакціи.

Г. Равичъ-Щербо въ письмѣ изъ Омска на имя редакціи указываетъ на невѣрность, допущенную въ статьѣ „Театръ въ Иркутскѣ“, помѣщенной въ XX приложеніи къ „Сибирской Жизни“, а именно: въ этой статьѣ сказано, что постройка иркутскаго театра обошлась въ 170.000 рубл. Это, оказывается, не вѣрно: г. Равичъ-Щербо, бывший членомъ театральнаго дирекціи съ начала постройки до конца, сообщаетъ, что постройка иркутскаго театра стояла не 170 т., а 308 тысячъ. Приносимъ г. — ну Равичъ-Щербо благодарности за эту поправку.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Продажа въ разсрочку и прокатъ Роялей и Піанино.

Музыкально-инструментальная торговля П. И. Макушина въ Томскѣ

^{*)} Изъ неопечатанныхъ расказовъ покойнаго П. И. Наумова.